

ЕВГЕНИЯ АРЗИЕВА

Казахский национальный педагогический университет имени Абая

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВЫ ВРЕМЕНИ В ДОКУМЕНТАЛЬНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ СВЕТЛАНЫ АЛЕКСИЕВИЧ

Linguophilosophical Bases of Times Intersection in Documentary Artistic Prose of Svetlana Aleksievich

Ключевые слова: категория времени, категория пространства, событие, темпоральная перспектива, возможный мир, хроника

KEY WORDS: category of time, category of space, event, temporal perspective, possible world, chronicle

ABSTRACT: The article touches on the problem of the intersection of temporal layers and the interdependence of time and space, transmitted in modern documentary and artistic prose through a palette of language tools. This problem is considered on the material of the work of Svetlana Aleksievich "Chernobyl Prayer", in which the tragic event in the territory of Eastern Europe (modern Ukraine), which was the technogenic catastrophe at the Chernobyl nuclear power plant, is transmitted in the form of the polyphony of its involuntary participants. Fragments of the past in the Christian picture of the world are interpreted by the author of the work in the context of the philosophy "for our sins", against which the temporal perspective of the participants of the event is presented as an apocalypse. The complex of linguistic means in combination with the genre singularity allows us to convey the main idea of the work that the gap in time leads to the collapse of the single space that the Soviet Union was.

1. Философская основа времени в свете категории пространства

Две вечные, до конца не постигнутые философские категории – пространство и время – осмысливаются в современной документально-художественной прозе, в частности в произведении Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва». Излагаемое в нем трагическое событие на территории Восточной Европы (современной Украины), каким явилась техногенная катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции, передается автором в виде полифонической исповеди его невольных участников. Повествование в виде полифонии сводит до минимума дискурсную составляющую произведения. Многоголосие в единой тематике и в едином мнении об исходе своей судьбы предопределяет

нивелирование социального статуса участников исповеди: в произведении малозначимыми оказываются профессиональные, возрастные, гендерные и подобные составляющие, формирующие дискурс. Кроме того, малозначимой оказывается коммуникативная функция языка: информанты вряд ли ждут ответной реакции слушателя как психолога, который обнадеживает, успокаивает. Наряду с повествовательной, доминирующей оказывается эмотивная функция языка: крик души воплощается в виде аффективности изложения. Концептуализация мира участников трагических событий сводится главным образом к двум временным планам: прошлому и настоящему. Будущее в их сознании аннулировано уверенностью в том, что либо они вскоре умрут, либо станут маргиналами, изгоями, в которых общество не нуждается.

Многовекторный характер феномена времени заключается в разных подходах к его осмыслению. Можно выделить по крайней мере четыре таких подхода, интерпретирующих время как физическую, психическую, философскую и лингвистическую категории.

Физическое время определяется классиками современной физики как реальное и вслед за Лейбницем трактуется как упорядоченное через отношение «раньше» W множество моментов, представляющих собой классы абстракции отношения одновременности R в множестве событий S (Аргустынек 1973, 118). На базе представленной интерпретации З. Аугустынек разрабатывает следующую модель физического времени:

$$xly [xRy \equiv \infty (xWy) (yWx)]$$

Дальнейшую разработку представленная модель получила в модели лингвистического времени. Вместе с тем лингвистическое время не может быть осмыслено без понимания перцептивной сущности времени, репрезентирующей течение жизни человека. Согласно Б. Величковскому, в когнитивной психологии выделяется две прямо противоположных гипотезы интерпретации перцептивного времени, основанных на факторе дискретности/недискретности времени. Дискретное представление о времени заключается в восприятии его в процессе перцептивной деятельности человека как цепочки поставленных «в затылок» друг к другу» перцептивных моментов. Данная гипотеза была, однако, опровергнута благодаря ряду проведенных зарубежными учеными-психологами экспериментов. Гипотеза недискретного времени, состоящая в интерпретации его как перцептивного момента, подобного движущемуся вместе с физическим временем окну, обеспечивающему охват некоторого события (Величковский 1982, 126), предопределяет взаимопересечение физической и психологической составляющей времени.

Наиболее сложным и неоднозначным представляется философское толкование времени. Попытка осмысления данного феномена имеет давнюю

историю и представлена в целом ряде философских трактатов. В одном из них выступает прецедентная личность – Блаженный Августин. В своей известной Исповеди он, на наш взгляд, как никто другой, достаточно четко подчеркивает своего рода беспомощность в осмыслении им категории времени как философской сущности:

И еще признаюсь Тебе, Господи, что я все же не знаю, что такое время. Я сознаю только, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно говорю об этом времени, и что это самое «давно» есть только продолжение того же времени. Каким же образом я знаю это, когда я не знаю, что такое время. Быть может, я не умею выразить то, что знаю? О, как я беден, что не в состоянии даже различить, что знаю и чего не знаю! (Блаженный 2014).

Вместе с тем характерное для тех времен определенное моральное бичевание себя как философа, отмечаемое в приведенном высказывании, сопровождается в нем актуализацией таких элементов, как *д а в н о* (план прошлого), *п р о д о л ж е н и е в р е м е н и* (планы настоящего и будущего). Это предопределяют необходимость комплексного подхода к интерпретации феномена времени с учетом его физического (реального) и когнитивного (философского) планов.

Взаимосвязь физического и философского аспектов феномена времени представлена Т. Дешериевой в модели лингвистического времени, сконструированной на основе физической модели времени Аугустынека:

$$(x, y) (m, n) \{mWn \equiv [x \epsilon m \cup n \wedge W y]\},$$

где *m, n* – моменты времени; *x, y* – события; *W* – исходное отношение между событиями множества *S*; \wedge – знак логического пересечения (Дешериева 1975, 113). Содержание представленной модели состоит в том, что момент *m* раньше момента *n* в том и только в том случае, если событие *x* принадлежит моменту *m*, событие *y* принадлежит моменту *n*, при этом событие *x* происходит раньше события *y*.

Данная лингвистическая модель времени в ее классическом варианте не позволяет, однако, постигнуть всю сущность феномена времени вне ее философской составляющей. Более того, она не позволяет постигнуть сущность взаимодействия времени в контексте пространства, на которое оно проецируется. Именно только в процессе философского постижения сущности времени очевидны взаимопересечения прошедшего, настоящего и будущего временных планов и их взаимосвязь с пространством. Об этом свидетельствует жанр документально-художественной прозы, предопределяющий изложение реальных событий в их содержательной неизменности, вне авторского вымысла, но с формальной стороны – в их художественной интерпретации.

Художественное время как еще один из компонентов феномена времени в жанре художественно-публицистической прозы позволяет воспринимать временные планы в единой плоскости протекания: прошлое через будущее, будущее через прошлое и настоящее. Показательным в этом отношении является документально-художественная проза Алексиевич, одно из произведений которой – «Чернобыльская молитва (хроника будущего)» – легло в основу фактического материала настоящей статьи (Алексиевич 2006). Своеобразие в передаче идейного замысла автора находит воплощение в виде полифонии лиц, пострадавших от чернобыльского взрыва. Главным образом это обычные, простые люди, отнюдь не пытающиеся проникнуть в философский аспект осмысления времени. Не актуализируют они специально это и в представленных в произведении высказываниях, в которых, однако, просматривается глубокая философская основа. Это позволяет анализировать их в свете лингвофилософского параметра.

Попытки постижения героями произведения темпоральной реальности с проекцией на футуральную перспективу, воплощаемые в языковых средствах и описании социального фона, обуславливают применяемые в исследовании доминирующие позиции методов семантического и когнитивного анализа. Использование метода семантического анализа находит воплощение при интерпретации языковых единиц с учетом их референциальных свойств. Примечательно, что для передачи темпоральной семантики современный русский язык и его наррации располагают достаточно значительным арсеналом средств, активно используемых автором произведения.

Вместе с тем С. Алексиевич выходит за рамки традиционных эпических средств, что обуславливает применение также метода когнитивного анализа, используемого при интерпретации интертекстуальных средств, эксплицитно не вербализованных в тексте.

2. Прошлое через будущее – будущее через прошлое: языковое воплощение

Уже в самом подзаголовке произведения *х р о н и к а б у д у щ е г о*, представляющем собой словосочетание с опорным словом *х р о н и к а*, предопределяется его жанр как хроники, который предполагает прежде всего последовательное изложение прошедших событий. Однако зависимое слово *б у д у щ е г о* разрушает этот стереотип и свидетельствует о намерении автора описывать во временной последовательности предполагаемые события в проекции на план будущего.

Апокалипсический характер представленных в произведении событий проистекает из прошлого чернобыльской катастрофы. Отсюда взаимопересечение прошлой и будущей временных плоскостей в произведении. Оно выражается в противопоставлении светлого мира прошлого многоголосию простых людей, не видящих перспективы в будущем: «Как мне дальше жить? Я была счастливая...» (Алексиевич 2006, 132–133).

Сакрализация плана прошлого как мира надежд и счастья находит в высказываниях выражение в словосочетаниях *прежний мир, целый мир, другое время*, наречиях времени типа *тогда*, проецирующих на план прошлого, а также в субстантивированных прилагательных *прошрое, будущее*, например: *(о муже)*

А мне и в голову тогда не могло прийти, что надо было не отпустить, а ему, наверное, – что он мог не поехать. Это же было другое время, как военное. И мы были тогда другие (Алексиевич 2006, 131).

Да, мы можем их вывезти и полечить, но как им вернуть прежний мир? Как им вернуть их прошлое? И будущее (Алексиевич 2006, 62). Переселили сотни деревень [...] Десятки тысяч людей [...] Великую крестьянскую Атлантиду [...] Она рассыпалась по бывшему Советскому Союзу, не собрать обратно. Не спасти. Целый мир мы потеряли [...] Такого мира больше не будет, он не повторится (Алексиевич 2006, 66).

План будущего представлен в траурных тонах и во многих случаях проецирует на пространственную плоскость, воплощающую несовместимость, противоречивость между пространством и временем в его футуральной перспективе. С этой целью помимо топонима *Чернобыль* автор использует словосочетания *красивая земля* и подобные:

Чернобыль [...] У нас другого мира уже не будет (Алексиевич 2006, 74).

Превратили Чернобыль в фабрику ужасов, а на самом деле в мультик. А его понять надо, потому что нам с ним жить (Алексиевич 2006, 6).

Красивая у нас земля! Мы тут жили, а наши дети тут жить не будут (Алексиевич 2006, 68).

План будущего выражается аналитическими и синтаксическими формами глаголов будущего времени и связывается главным образом с негативными предсказаниями, исходящими от лица героев чернобыльской трагедии. С этой целью используются глаголы с отрицательной коннотативной окраской либо глаголы позитивной семантики с частицей *не*:

Теперь мы знаем: будем сидеть, пить чай за праздничным столом [...] Будем разговаривать, смеяться, а война уже будет идти [...] Мы даже не заметим, как исчезнем (Алексиевич 2006, 118–119).
Эти девочки, они уже никого не родят (Алексиевич 2006, 116).

Актуальным при анализе глаголов будущего времени совершенного вида является утверждение польского исследователя А. Киклевича об обозначении данными глаголами действия как результата и подчеркивания им того факта, что «значение формы совершенного вида не имеет ничего общего с однократностью» (Киклевич 2007, 161). Выделяя в семантике этих глаголов три основных типа результативности: финитивный, каузативный и их совокупность, ученый пишет:

Глаголы совершенного вида обозначают действия, процессы, состояния и свойства, которые в некотором, актуальном, описываемом в высказывании отрезке времени являются результатом целевой деятельности субъектов или же следствием внешних или внутренних причин.

Далее он подчеркивает:

Результатом/следствием считается такое положение дел, которое в соответствии с известной говорящему и/или слушающему нормой вытекает из содержания описываемого действия, процесса, состояния или свойства» (Киклевич 2007, 163).

Данные утверждения подтверждаются следующими примерами:

Все у нас говорили, что мир поменяется [...] По радио и по телевизору [...] Ромашка превратится [...] Во что она превратится? Во что-то другое. А улитсы вырастет второй [...] хвост, ежики родятся без иголок, розы без лепестков. Появятся люди, похожие на гуманоидов, они будут желтые. Без волос. Без ресниц. А закаты станут зелеными (Алексиевич 2006, 124).

Именно способность глаголов совершенного вида будущего времени передавать результативность действия позволяет использовать их в отдельных случаях при воплощении виртуального светлого будущего. Как правило, при этом отмечаются глаголы со значением положительного действия, направленного на созидание, соответствующего желаниям и целям говорящего:

Что побито и разграблено, вместе восстановим (Алексиевич 2006, 15).
Надо оставлять факты [...] Факты! Их востребуют [...] (Алексиевич 2006, 113).

Христианский план прошлого интерпретируется автором произведения в контексте философии «за грехи наши», для чего автор использует ментальные глаголы прошедшего времени типа *п о н и м а т ь*, *м е ч т а т ь*, *п р о с т и т ь*:

Нет такого греха, который б ы Господь не п р о с т и л за искренность п р и -
н е с е н н о г о п о к а я н и я (Алексиевич 2006, 20).

Н е п о н и м а л и , что действительно есть физика. [...] Цепная реакция. [...] И никакие приказы и правительственные постановления эту физику не и з -
м е н я т (Алексиевич 2006, 108).

Я м е ч т а л [...] В ы р а с т у – б у д у технарь, как папа, он технику о б о ж а л
(Алексиевич 2006, 125).

Приведенные примеры свидетельствуют, однако, о несколько иной интерпретации концепции «за грехи наши», отличной от проекции на перфектную семантику. Последняя, как известно, предполагает негативный результат содеянных в прошлом грехов в настоящем времени (Килевая 2002, 103–110). В произведении «Чернобыльская молитва» же отмечается проекция не на план настоящего, а на план будущего времени. Настоящее представлено как факт свершившегося, имплицитно, вне использования соответствующих языковых средств. Изображение прошлого с актуализацией футуральной перспективы, на наш взгляд, имеет глубокий социально-философский смысл. Это не просто апокалипсическое будущее чернобыльских земель, но прежде всего призыв к человеку жить по совести в будущем с целью предупредить возможные грядущие катастрофы. Не случайно контекст «за грехи наши», сущность которого сводится к наказанию человека в будущем за его прошлые грехи, вбирает в себя и самого этого человека – человека советской эпохи. В произведении это представлено в виде использования словосочетания *с о в е т с к и й х а р а к т е р*, а также излагается имплицитным путем в репликах героев полифонии путем использования глаголов со значением положительного действия:

Нет-нет, не бойтесь, н е з а п л а ч у. [...] Я р а з у ч и л а с ь п л а к а т ь . Х о ч у г о -
в о р и т ь [...] » (Алексиевич 2006, 127).

«Что б ы вы там н и п и с а л и , н о б ы л он, с о в е т с к и й х а р а к т е р . Что б ы вы
н и п и с а л и , к а к б ы л и х о н и о т р е к а л и с ь . [...] Вам е щ е ж а л к о б у д е т
этого человека. [...] В с п о м н и т е о н е м [...]» (Алексиевич 2006, 109).

Советский характер закаляется в советское время. Но именно это время порождает техногенные катастрофы, оно изжило себя вместе с империей – Советским Союзом – пространством, которое вписывается в это время. Эпоха возможной «лжи во спасение» предопределяет крах пространства, что подтверждается реальной действительностью.

Чернобыльское пространство противопоставлено незагрязненным территориям, что также подается в проекции на темпоральную оппозицию «прошлое» – «будущее». Незагрязненные территории передаются путем использования глаголов перфектной семантики:

В западном искусстве все это уже описали. [...] Нарисовали [...] сняли. [...] Они готовились к будущему (Алексиевич 2006, 96).

В Минске помыли поезда и товарные составы. Будут всю столицу вывозить в Сибирь (Алексиевич 2006, 54).

Взгляд в будущее героев произведения сопряжен с возможным миром в виде мира гипотетического, позволяющего отвлечься от реальной действительности. Употребление форм будущего времени в этом случае для передачи данной семантики обуславливается спецификой грамматического значения будущего времени, содержащего значительную долю модальности. Не случайно ряд ученых выносят будущее время за пределы индикатива, определяя его как отдельное наклонение. Так, известный польский исследователь Е. Курилович, усматривая в будущем времени значение *возможности, вероятности, оживания* и т.д., подчеркивает, что оно – «наклонение, обозначаемое неуклюжим термином *субъюнктив, или конъюнктив*» (Курилович 1962). Данное утверждение созвучно взглядам российского лингвиста XIX века К. Аксакова, который отрицал категорию времени как таковую у русского глагола. По поводу будущего времени, в частности, он утверждал, что будущее нельзя назвать будущим, поскольку оно может употребляться и в прошедшем, и в настоящем временах (Аксаков 1875).

Вместе с тем передаваемое формой значение времени далеко не всегда отображает объективную действительность. В. Касевич, высказывая данную мысль, приводит в качестве примера употребление форм будущего времени, передающих ситуацию, отсутствующую в объективной действительности. При этом ученый справедливо подчеркивает, что

Из этого никак не следует делать вывод, что это и есть значение футуральной формы. С одной стороны, говорящий высказыванием, например, *пойду* отнюдь не хочет сообщить, что в момент речи он не идет. С другой стороны, в языке существует отдельная отрицательная конструкция (или отдельная форма глагола), значением которой как раз и является отсутствие ситуации, называемой глаголом, поэтому приписывание футуральной форме того же, по существу, значения нарушило бы реальные внутрисистемные связи (Касевич 1988, 185–186).

И с этим нельзя не согласиться. Следовательно, фактор нереализованности действия не является определяющим в интерпретации будущего времени, а лишь подчеркивает его большую модальность по сравнению с другими

значениями индикатива. Это и позволяет передавать с их помощью возможный гипотетический мир. В исследуемом произведении формы будущего времени в этом случае выступают в контексте таких лексических единиц, как *вера, надежда, ждать, представлять* и подобных. Приведем следующий иллюстративный материал:

Он так не хотел умирать. [...] У него была вера, что моя любовь нас спасет (Алексиевич 2006, 130).

Ни на минуту не представляла, что мы расстанемся (Алексиевич 2006, 131).

Мы ждали весну: неужели снова вырастет ромашка? Как раньше? (Алексиевич 2006, 123).

Никто не верил, что назад мы уже не вернемся (Алексиевич 2006, 41).

Я хочу жить после Чернобыля, а не умирать после Чернобыля. Хочу понять, за что я могу зацепиться в своей вере. Что даст мне силу? (Алексиевич 2006, 90).

Историческое восприятие времени позволяет соотносить произошедшее событие с будущими, предугадываемыми событиями, которые оцениваются с позиции значимости их последствий, то есть с «их восприятием в перспективе ожидаемого (моделируемого) будущего». Как отмечает Б. Успенский, космологическая, равно как и историческая, модель видения мира не исключает предсказание будущего как символического представления одного и того же исходного состояния, как знак этого состояния (Успенский 1994, 21–22).

Предсказание будущего как одного из возможных миров передается в исследуемом тексте спектром различных языковых средств. К ним относятся инфинитивные предложения, в основе которых лежит неопределенная форма глагола в сочетании с частицей *бы*:

Почувствовать бы момент, и пулю – в лоб (Алексиевич 2006, 29).

Также гипотетический мир с проекцией на будущее воплощается путем использования безличных предложений, включающих в том числе вводные слова со значением возможности:

Может, надо на всякий случай оттолкнуть от себя. [...] Отодвинуть (Алексиевич 2006, 40).

Надо оставлять факты. [...] Факты! Их востребуют (Алексиевич 2006, 113).

В большинстве же случаев возможный гипотетический мир воплощается в произведении за счет использования конструкций с условной семантикой:

Сейчас они умирают. [...] Но если бы они не сделали этого? (Алексиевич 2006, 73).

Приехал домой счастливый. [...] С орденом. Я его тогда спросила: «А мог бы ты не так сильно пострадать? Сохранить здоровье?» – «Наверное, мог бы, если бы больше думал» (Алексиевич 2006, 58).

Абсолютная уверенность, что если бы что-то серьезное, нас бы оповестили (Алексиевич 2006, 111).

Наверное, если бы нас не выпускали отсюда, поставили милицейские кордоны, многие бы из вас успокоились (Алексиевич 2006, 101).

Анализ приведенных конструкций позволяет выделить имплицитно представленную темпоральную составляющую, главным образом проецируемую на план оптимального прошлого. Вместе с тем этот план соотносится с планом будущего, поскольку действия, излагаемые как условно возможные, имели бы в будущем другой результат. С помощью сложноподчиненных предложений с придаточной условной частью, представляющих собой риторические вопросительные конструкции, автор произведения от лица своих персонажей передает пафос героических свершений советского человека:

Что бы с нами было, если бы каждый поступал так, как ты? Победили бы войну! (Алексиевич 2006, 77).

Молодые ребята [...] Они сейчас тоже умирают, но они понимают, что если бы не они. [...] Это еще и люди особой культуры. Культуры подвига. Жертвы (Алексиевич 2006, 71).

Как видим, имплицитно представленный реальный мир, а именно победа в Великой Отечественной войне, противопоставлен альтернативному возможному миру с центром иного человека. Это позволяет автору путем использования языковых средств гипотетической семантики обозначить советского человека как человека подвига, способного ради родной земли пожертвовать собой. Своеобразным пафосом с оттенком горькой иронии наполнены употребляемые с этой целью словосочетания, заключающие в себе глубокие философские размышления простого человека: люди особой культуры, культура подвига.

В связи с этим особо следует подчеркнуть, что два возможных мира плана прошлого с гипотетической семантикой воплощают взаимозависимость техногенной и социальной катастроф. Чернобыльская авария, согласно идейному замыслу автора, повлекла за собой крушение могучей империи, какой являлся Советский Союз:

Не взорвался бы Чернобыль, держава бы не рухнула (Алексиевич 2006, 110).

Я хочу вспомнить, какими мы были, когда случился Чернобыль. Потому что в истории они останутся вместе

– крушение социализма и чернобыльская катастрофа. Они совпали. Чернобыль ускорил развал Советского Союза. Взорвал империю (Алексиевич 2006, 56).

Апокалипсическое будущее Чернобыля воплощается в произведении за счет насыщенности монологов героев глаголами будущего времени негативной коннотативной окрашенности. Частотностью при этом отличается глагол *умереть*; предложно-падежные формы с предлогом без: «Очень плохо! Мы скоро все умрем! Исчезнет нация!» (Алексиевич 2006, 108).

Маленькие девочки в больничных палатах играют в «куклы». Куклы у них закрывают глаза. [...] Так куклы умирают. [...] Почему куклы умирают? Потому что это наши дети, а наши дети жить не будут. Они родятся и умрут (Алексиевич 2006, 79).

Человек умрет и за тысячу лет превратится в землю, в пыль, а «горячие частицы» будут жить. И эта пыль способна будет снова убивать (Алексиевич 2006, 60).

Мы свидетели. Но мы скоро умрем (Алексиевич 2006, 28).

Вокруг тогда говорили: умрем-умрем. [...] К двухтысячному году белорусы и счезнут (Алексиевич 2006, 6).

Все знают – через три дня их тоже увезут. Все останется (Алексиевич 2006, 105).

Врачи меня предупредили, что мой муж умрет. [...] У него рак крови (Алексиевич 2006, 79).

Но мое детище – музей. Музей Чернобыля. А иногда мне кажется, что здесь будет не музей, а похоронное бюро (Алексиевич 2006, 70).

За Чернобылем строят лагеря, в которых будут держать тех, кто попал под радиацию. Подержат, понаблюдают и похоронят (Алексиевич 2006, 54).

Мелют, что лягушки и мошки останутся, а люди нет. Жизнь останется без людей (Алексиевич 2006, 110).

Предсказание будущего после чернобыльской катастрофы связывается в произведении с библейским мотивом Страшного Суда. Ведь, как известно, название местности Чернобыль основано на украинской лексеме *чорнобыль*, в переводе на русский язык означающей траву чернобыльник, идентичную полыни. В сознании людей это название по-своему также спровоцировало трагедию. Заметим, что такого рода интерпретация трагедии в обыденном сознании небезосновательна. Она базируется на фидеистическом отношении к слову и в целом на теории имяславия (Жумабекова/Килевая 2015, 53–60). Приведем следующий иллюстративный материал: *Откровение Иоанна Богослова*:

И упала с неба большая звезда, горящая подобно факелу, и пала на третью часть рек и на источник вод. Имя сей звезды «польнь». И третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки. [...] Постигаю силы пророчества. [...] Все уже предсказано, написано в святых книгах, но мы читать не умеем (Алексиевич 2006, 20).

Много лет назад моя бабушка читала в Библии, что наступит на земле время, когда всего будет в изобилии, все будет цвести и плодоносить, в реках станет полно рыбы, а в лесах зверя, но воспользоваться этим человек не сможет. Он не сможет и породить себе подобного, продлить бессмертие. Я слушала старые пророчества, как страшную сказку. Не верила (Алексиевич 2006, 31).

Одна девочка мне рассказывала, как их класс послали осенью восемьдесят шестого года в поле. [...] на уборку свеклы и моркови. Везде им попадались дохлые мыши, и они смеялись: вот вы мрут мыши, жуки, черви, а потом начнут умирать зайцы, волки. За ними – мы. Люди умрут последними. Дальше они фантазировали, какой будет мир без зверей и птиц. Без мышей. Какое-то время останутся жить одни люди. Без никого. Даже мухи перестанут летать. Им было по двенадцать-пятнадцать лет. Так они представляли себе будущее (Алексиевич 2006, 61–63).

Особо следует подчеркнуть, что апокалипсис, «конец света», выражаемый значением будущего времени, передается в произведении в контексте оппозиции «мы» – «они». Компонент *мы* включает людей, пострадавших от аварии. Компонент же *они* обозначает как остальной простой народ разрушавшейся в те времена империи, так и людей, которые, по мнению автора, должны понести наказание за произошедшее. Об этом свидетельствует следующий иллюстративный материал: «Мы исчезнем, а они и не заметят» (Алексиевич 2006, 51). «Зону раскупили на дачи. Они деньги получают и еще их накормят и напоят» (Алексиевич 2006, 39). «Одни забыли, другие не хотят вспоминать, потому что мы ничего не можем изменить, даже уехать отсюда» (Алексиевич 2006, 32).

Механизм зла будет работать и при апокалипсисе. Я это понял. Также будут сплетничать, заискивать перед начальством, спасти свой телевизор и каракулевую шубу. И перед концом света человек останется тот же, какой он сейчас. Всегда (Алексиевич 2006, 45). Все, мол, как-то образуется, как-то оно будет, но образуется само по себе, без них, без их участия (Алексиевич 2006, 49).

Но в нашей деревне только начальная школа, в пятый класс их возят автобусом за десять километров. И они плачут – не хотят ехать. Там дети будут над ними смеяться (Алексиевич 2006, 47).

3. Заключение

Итак, в произведении Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва» категория времени актуализирована не только как категория физического (реального) времени либо перцептивного времени, но и как, прежде всего, времени лингвофилософского. Она представлена как совокупность пересекающихся, взаимосвязанных составляющих плана прошлого и плана будущего, последний из которых в сознании участников трагедии аннулирован как возможная перспектива жизни. Посредством комплекса языковых средств, главным образом глаголов будущего времени с особым использованием их в значении совершенного вида, конструкций с условной семантикой, воплощаются возможные миры, позволяющие передать идею ответственности человека за будущее в связи с содеянным в прошлом. Это идея имплицитно заложена в ключевом слове заглавия произведения – м о л и т в а, заключающем в себе глубокий философский смысл: необходимо молиться за прощение в содеянных грехах с целью предотвращения подобных техногенных катастроф в будущем.

Автору произведения удастся также выйти за рамки широкой возможности вербальных средств, располагающих русским языком для воплощения темпоральной семантики. Полифония голосов участников чернобыльской аварии как художественный прием позволяет ему донести также идею о советском человеке, время которого ушло вместе с тоталитарной эпохой и ее пространством, в которое он вписывался.

Библиография

- Аксаков, К. (1875), О русских глаголахъ. Сочинения филологические. Ч. I. Москва.
- Алексиевич, С. (2006), Чернобыльская молитва (хроника будущего). Москва.
- Аугустынек, З. (1973), Лейбницево определение времени. В: Вопросы философии. 5, 107–121.
- Блаженный, А. В: <<http://www.mudriyfilosof.ru/2014/07/filosofiya-avgustina-avreliya.html>> [доступ 12.07. 2016].
- Величковский, Б. (1982), Современная когнитивная психология. Москва.
- Дешериева, Т. (1975), Лингвистический аспект категории времени в его соотношении к физическому и философскому аспектам. В: Вопросы языкознания. 2, 111–117.
- Жумабекова, А./Килевая, Л. (2015), Структура современного языкознания. Алматы.
- Касевич, В. (1988), Семантика. Синтаксис. Морфология. Москва.
- Киклевич, А. (2007), Притяжение языка. Т. 1. Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. Ольштын.
- Килевая, Л. (2002), Картина мира древних славян. Категория наклонения. Алматы.
- Курилович, Е. (1962), Очерки по лингвистике. Москва.
- Успенский, Б. (1994), Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. Москва.

